

Чан Лэ был уверен, что Се Бинь уже оставил всё в прошлом, но тут от Янь Ми услышал о том, что тот вытворял у него за спиной.

Чан Лэ пытался поговорить с Се Бинем, но тот лишь хранил молчание, не проронив ни слова. Делать было нечего. По правде говоря, Се Бинь и в самом деле не переходил границ, а всё содеянное им любой мог бы оправдать желанием защитить друга. Да и отказ на чьи-то чувства — это личное дело самого Се Биня.

После нескольких безуспешных попыток вызвать Се Биня на разговор Чан Лэ задумался: может, стоит уехать на время, чтобы дать Се Биню остыть? Вдруг, когда они перестанут видаться, время сгладит все чувства.

Именно в этот момент Се Бинь, словно что-то услышав, сам разыскал его. Он сидел напротив Чан Лэ, бледный, несколько раз пытался заговорить, но так и не выдавил ни звука. Чан Лэ с досадой смотрел на него.

— Зачем ты пришел сегодня? Или ты что-то услышал? — Чан Лэ подбирал слова, осторожно пытаясь выведать мысли Се Биня.

Он видел, что глаза Се Биня покраснели от лопнувших капилляров, а сам он выглядел крайне изможденным. Се Бинь на мгновение встретился с ним взглядом, но тут же опустил голову, словно не в силах вынести такого пристального внимания.

— Ты не можешь быть таким жестоким. Я просто хотел быть рядом, смотреть на тебя — и всё. Я делал всё, как ты просил, я не переходил черту. Разве мы не друзья?

На штанинах Се Биня появились мокрые пятна от слез. Он беспомощно сжал кулаки, пытаясь ухватиться хоть за что-то, но в руках была лишь пустота. Чан Лэ замер. Он никогда серьезно не задумывался о том, откуда взялись чувства Се Биня и как они крепились. Он знал лишь одно: ответить на них он не мог. Возможно, боясь стать обузой, Се Бинь всегда хранил молчание. И это признание вырвалось у него лишь потому, что Чан Лэ загнал его в угол.

Се Бинь боялся. Боялся, что в следующее мгновение Чан Лэ исчезнет из его жизни. Боялся, что, как и говорил Чан Лэ, он не выдержит натиска времени, и эти чувства постепенно истлеют. Он был в ужасе: не знал, на сколько его хватит. А вдруг, когда они перестанут видаться, всё произойдет именно так, как представлял себе Чан Лэ? Станет будничным, обыденным, и он перестанет цепляться за это призрачное, лишенное будущего чувство? Вместо этого он послушается старших, найдет себе пару — любимую или нет — и проживет так всю жизнь. А спустя много лет даже не вспомнит, что чувствовал тогда, не вспомнит тот день и того человека, который тянул его за собой прямо под лучи солнца.

Но разве можно, увидев ослепительное солнце, смириться с уходом в тень? Даже если это тепло продлилось лишь миг, даже если остаток жизни придется провести в сырости без солнца — этого уже достаточно. По крайней мере, в какой-то момент в будущем он всё еще сможет вспомнить, как когда-то был так близок к солнцу.

— Ты не пожалеешь? — этот вопрос с уже известным ответом был лишь способом для Чан Лэ утвердиться в своем решении.

Чан Лэ спросил себя: а действительно ли он был неправ? Он не знал. Такие чувства с самого начала были обречены. Может, его решение, которое он считал благом для Се Биня, было слишком эгоистичным? Чан Лэ больше не хотел ничего предпринимать — пусть всё идет своим чередом. Се Бинь — его друг, он не злодей. Раз он чего-то просит, пусть так и будет. Лишь бы он сам не пожалел.

Се Бинь не ответил, просто посмотрел Чан Лэ в глаза, и тот всё понял. С тех пор Се Бинь вел себя как прежде, оставаясь на границе дозволенного и не делая ни шагу за неё. Чан Лэ тоже больше не заговаривал о своем прежнем решении, и между ними словно вновь воцарилось то самое взаимопонимание, что было в самом начале.

Вернувшись в настоящее... Хотя Чан Лэ и потакал многим выходкам Се Биня, этот упрямец иногда доводил его до головной боли. Чан Лэ часто ловил себя на мысли, что Се Бинь словно растратил всю свою душу на него одного. Обычно молчаливый и надежный, в делах, касающихся Чан Лэ, он становился импульсивным и вспыльчивым, загораясь от любой искры. Он знал, что поступает неправильно, но раз за разом совершал одни и те же ошибки. Его манера — активно признавать вину, при этом ничего не исправляя и наступая на те же грабли — сводила Чан Лэ с ума. Он и подумать не мог, что даже здесь ему придется разбираться с подобными проблемами.

Се Бинь почувствовал досаду Чан Лэ, присел на корточки и заглянул ему в лицо. Он искренне извинялся, но в его глазах не было ни капли раскаяния. Чан Лэ ничего не оставалось, как махнуть на всё рукой, как и раньше. Этот человек, в точности такой же, как в его воспоминаниях, даже если Чан Лэ знал, что это лишь копия, всё равно не мог заставить себя быть с ним строгим.

Чан Лэ вздохнул и потянул Се Биня за собой, чтобы тот сел. Янь Ми, который всё это время следил за ситуацией, по движениям Чан Лэ понял, что Се Бинь, как обычно, вымолил прощение. Он с нахальной ухмылкой втиснулся между ними.

— Я знал, что наш Лэ-бао великодушен и обязательно простит нас, дураков. — Янь Ми принялся угодливо суесться рядом.

Чан Лэ рассмеялся, глядя на его наглую физиономию. Янь Ми воодушевился еще больше.

— Кстати, вы знаете, кто этот главарь на той стороне? Я его раньше не видел. Такая шумная компания, а ведь тот парень раньше никого не признавал, верно? С чего это он вдруг решил стать пушечным мясом для других?

Чан Лэ потер подбородок, пытаясь вспомнить, есть ли кто-то похожий в его памяти.

— Мы тоже его не видели, кажется, он появился из ниоткуда. Слышали, как его приспешники называют его Чэнь-шао. В семье Чэнь есть такой человек?

Янь Ми тоже озадачился и почесал затылок, не в силах найти ответ.

— По фамилии Чэнь? — Чан Лэ не забывал, что находится внутри игры.

Он вспомнил одного человека — того, кто упоминался в кратком содержании сюжета, но детали еще предстояло проверить. Чан Лэ взглянул на часы и вспомнил, что Ноэль ждет его на парковке. Он поспешно попрощался и собрался уходить. Янь Ми придержал его за рукав.

— Так спешишь обратно? Может, сменим место и посидим где-нибудь еще? Мы тебя несколько дней не видели, чем ты там занят?

— В двух словах не объяснишь. Расскажу, когда увидимся в следующий раз. — Чан Лэ пока не придумал правдоподобного повода, поэтому решил просто заболтать их.

— А когда в следующий раз? Ты явно пытаешься нас надуть. Если сегодня уже поздно, давай завтра. Завтра мы сами придем к тебе домой. — Янь Ми знал его повадки: если упустить его сейчас, неизвестно, когда удастся поймать снова.

— Завтра не получится, я занят. Давай послезавтра. Приходите послезавтра, я всё вам расскажу.

Глаза Чан Лэ забежали — он вспомнил о поручении родителей. Конечно, он был не против, но не мог же он выставлять это напоказ. Он боялся, что эти ребята поймут, что он променял друзей на любовь, поэтому отвечал уклончиво.

В этот момент интеллект Янь Ми, напротив, пошел в гору. Заподозрив неладное, он внимательно взгляделся в выражение лица Чан Лэ. Что-то не так. Янь Ми был уверен, что Чан Лэ что-то скрывает. Он уже открыл рот, чтобы спросить, но, заметив сидящего рядом Се Биня, осекся.

Очевидно, что если даже Янь Ми это заметил, то уж этот человек, который глаз не сводил с Чан Лэ, тем более не мог этого не увидеть. Се Бинь вспомнил то, что случайно увидел вчера вечером, и сердце его сжалось, словно от болезненного спазма. Он понял: похоже, день, которого он так боялся, наконец настал.

Оба замолчали. Остальные, хоть и не понимали, что происходит, почувствовали, как атмосфера сгустилась, и тоже предпочли хранить молчание. Чан Лэ, занятый своими мыслями, потерял обычную чуткость. Он лишь порадовался, что сумел их провести, поспешно бросил на прощание увидимся послезавтра и в мгновение ока скрылся.

Оставив после себя одного — терзаемого душевной болью, другого — пребывающего в нерешительности, и кучу тех, кто так ничего и не понял.

Чан Лэ в три прыжка добежал до машины, совершил привычный набор движений и уже сидел на пассажирском сиденье.

<http://bllate.org/book/22222/2318855>